

УЯЗВИМОСТЬ

ESPRESSO
AMERICANO
CAPPUCCINO
LATTE
FLAT WHITE
MOCHA
HOT CHOCOLATE
FILTER COFFEE

EXTRA
SYRUP
OAT MILK

18+

Арсения Костромская

Уязвимость

«Автор»

2026

Костромская А.

Уязвимость / А. Костромская — «Автор», 2026

Каждое утро ровно в девять часов четырнадцать минут на мониторе главы крупнейшей аналитической компании страны появляется танцующий жёлтый банан. И подпись: «С.» Кто-то взламывает «ВЕДА-Аналитику» девять месяцев подряд. Ничего не крадёт. Ничего не ломает. Просто показывает Виктору Веденееву, что его империя из стекла и больших данных — насквозь дырявая. Его дочь Александра возвращается в город после пяти лет за границей. Она не идёт в башню отца. Она устраивается баристой в кофейню «Бергамо» через дорогу. У неё план: за стойкой кофейни — все слухи, все лица, все слабости сотрудников. Если хакер среди них, она найдёт его первой.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Уязвимость

Глава

Глава 1. Сообщение в 9:14

Виктор Андреевич Веденеев привык начинать утро ровно в восемь сорок семь. В это время он выходил из машины у бокового подъезда стеклянной башни, коротко кивал охраннику Геннадию — тот уже двенадцать лет нажимал кнопку служебного лифта, не дожидаясь, пока шеф подойдёт ближе, — и поднимался на двадцать второй этаж. Лифт шёл двадцать восемь секунд. За это время Веденеев успевал прочесть первый абзац сводки финансовых рынков и всегда оставался недоволен тем, что не успевал второй.

Двадцать второй этаж пах свежемолотым кофе и едва уловимо — кожей старых переплёт-тов в книжных шкафах, к которым никто здесь не подходил уже лет пять. Секретарша Анжелика, тоже двенадцать лет на своём месте, привычно подавала ему стакан воды без газа и тонкий стеклянный конверт с распечаткой ночных уведомлений. В стакане всегда было два кубика льда. На конверте — ровно тридцать семь страниц в плохие ночи и пять-шесть в обычные. Сегодня было четыре. Веденеев прошёл к себе, сел в кресло из чёрного скандинавского дуба, повернул его лицом к окну на реку и развернул конверт.

В этот же момент с тихим электрическим вздохом включился большой настенный монитор у него за спиной — тот, на котором на больших совещаниях разворачивались квартальные отчёты. По регламенту он заигрался ровно в девять четырнадцать утра, чтобы Веденеев успел повернуться и прочесть свежий итог по предсказаниям ключевых индексов. Регламент работал безотказно. Регламент был, по сути, философией компании: всё, что регулярно и предсказуемо, в конечном счёте управляемо.

Ровно в девять четырнадцать монитор ожил.

На нём не было графиков.

На нём, во весь экран, в идеально нарисованном пиксель-арте, неторопливо плясал маленький жёлтый банан в чёрной шляпе-цилиндре. Банан переступал с ножки на ножку с обстоятельностью тапёра, отрабатывающего смену в провинциальном ресторане. Под бананом, набираясь буква за буквой — медленно, как печатает человек, который никуда не торопится и делает это не первый раз, — проступал текст.

«Виктор Андреевич, доброе утро.

У Вашей компании в настоящий момент девятнадцать открытых уязвимостей. Я проверил из них шесть. Они, к моему искреннему сожалению, существенны.

Считайте это бесплатным аудитом.

Хорошего дня Вам и Вашему совету директоров.

— С.»

Текст замер. Банан продолжал танцевать.

Веденеев двигался не сразу. Он сначала аккуратно положил на стол стеклянный конверт, выровнял его параллельно краю столешницы, поправил пресс-папье, которое и не думало смещаться, и только после этого нажал кнопку селектора.

— Анжелика. Зайдите.

Голос его был ровным до неприличия. Анжелика, проработавшая с ним двенадцать лет, мгновенно почувствовала разницу между «ровно» и «ровно при катастрофе» и вошла без папки.

— Виктор Андреевич?

— Будьте добры, посмотрите.

Она обернулась к экрану. На её лице на секунду отразилось то самое выражение, ради которого художники веками пишут лица богоматерей в момент тревоги. Потом — собрала.

— Я звоню Зимину?

— Звоните Зимину. Звоните Полонскому. И, пожалуйста, пусть Геннадий поднимется лично.

— Геннадий?..

— Геннадий пусть поднимется. Я хочу видеть человека, который знает наизусть, кто заходил в это здание утром.

Анжелика вышла. Дверь за ней закрылась беззвучно — здесь все двери закрывались беззвучно, это было прописано в техническом задании на отделку. Веденеев остался один с пляшущим бананом.

Он смотрел на экран ещё секунд тридцать. И впервые за многие годы — поймал себя на странном, почти забытом ощущении.

Ему было смешно.

Не от радости. Не от облегчения. Совершенно по другому регистру. Так бывает смешно человеку, который двадцать лет аккуратно выстраивал замок из песка на пустынном пляже, выровнял каждую башенку, поставил каждый зубец, и вдруг видит маленького ребёнка, который подошёл и тыкнул палочкой в одну из стен — не для того, чтобы разрушить, а просто проверить, песок это вообще или цемент. Ребёнок не разрушал. Ребёнок диагностировал.

Веденеев усмехнулся одними губами и сказал в пустой кабинет:

— Здравствуйте, дорогой С.

Банан продолжал танцевать.

К половине одиннадцатого в зале совещаний на двадцать втором уже сидело шестеро. Полонский — в идеальной тройке цвета мокрого асфальта, с галстуком винного оттенка, с тем самым выражением лица, которое у него появлялось всякий раз, когда дело пахло чужой ошибкой. Полковник Аркадий Зимин, начальник службы безопасности, — в тёмно-синем пиджаке без галстука, потому что ничего, что застёгивалось бы на горле, он за двадцать лет в отставке так и не стал признавать. Дамир Корсаков, IT-директор, в мятой рубашке поверх футболки с надписью «git push --force», которую обычно прятал под пиджаком, но сегодня было не до пиджака. Юрист Шестакова — спокойная, в простом сером жакете, с блокнотом и дорогой ручкой, которой она никогда ничего не записывала. И ещё двое из совета — почти декоративных в этой комнате, с одинаково одинаковыми лицами людей, которые предпочитают, чтобы решение принимал кто-то другой.

В центре стола стоял ноутбук с подключённым проектором. На экране — стоп-кадр: банан в цилиндре, текст про шесть уязвимостей, подпись «С.»

— Шесть уязвимостей, — сказал Полонский, не глядя ни на кого. — Я хочу знать, какие.

— Мы не знаем, — мягко сказал Корсаков.

— Простите?

— Он не сказал, какие, Григорий Аркадьевич. Он сказал, что они существенны.

— И вы предлагаете мне принять это на веру?

— Я предлагаю вам не торопиться с публичной реакцией.

Полонский медленно повернул к нему голову. У Полонского была одна особенность движения: если он поворачивал голову медленно, это означало, что он уже принял по этому поводу решение, и теперь от собеседника зависело только, как он будет об этом узнавать.

— Дамир Игоревич, — произнёс Полонский с той избыточной вежливостью, которой пользуются люди, чтобы случайно не ударить. — Если мы не выйдем с заявлением сегодня до конца дня, к восемнадцати ноль-ноль кто-нибудь, кто ведёт корпоративный канал в Теле-

граме, выйдет с этим вместо нас. И тогда нашу позицию по этому вопросу будет формулировать молодой человек с никнеймом «Кибержук-90».

— Это тоже не катастрофа.

— Дамир Игоревич...

— Григорий Аркадьевич, — впервые открыл рот Зимин. Голос у него был такой, что Полонский замолчал автоматически, как замолкают на красный свет. — Я проработал тридцать лет в безопасности. Если мы выйдем с заявлением, мы признаём атаку. Если мы признаём атаку, у нас три дня будут падать котировки. Если у нас три дня будут падать котировки, мы потеряем больше, чем мог бы взять любой нормальный взломщик. Этот человек — он не нормальный взломщик. Он не вынес ни байта. Он показал нам шарик и спрятал его в шапку. Если мы будем сейчас бегать по кругу, мы устроим спектакль в его пользу.

В комнате стало очень тихо. Веденеев слушал и молчал. Он сидел во главе стола, скрестив руки на груди, и смотрел на пляшущий банан так, как смотрят на человека, который пришёл наниматься на работу и пока не сказал ничего глупого.

— Что вы предлагаете? — наконец спросил Полонский, и в его голосе впервые послышалось то, чего никто здесь не слышал из его уст годами: вопрос, заданный без заранее заготовленного ответа.

Зимин пожал плечами.

— Тишину, — сказал он. — В первую неделю — тишину. Во вторую неделю — тоже тишину, но с маленькой пресс-конференцией о том, что «мы инвестируем в усиление систем». В третью неделю, если ничего больше не будет, — забыть.

— А если будет?

Зимин посмотрел на него очень внимательно.

— Будет.

Полонский повернул голову — на этот раз быстро, по своей шкале это означало настоящую тревогу.

— Откуда вы знаете?

— Я тридцать лет в этом, Григорий Аркадьевич, — ровно ответил Зимин. — Если человек пишет «я проверил шесть из девятнадцати», это значит ровно одно: он проверит ещё. И ему это нравится.

Веденеев впервые подал голос.

— А что у нас по тем, кто заходил в здание утром, Аркадий Степанович?

Зимин кивнул, как будто только этого вопроса и ждал.

— Шестьсот двадцать восемь человек. Двести тридцать один — наши сотрудники, у каждого карта, у каждого время прохода. Из посторонних — тридцать четыре, в основном курьеры и подрядчики, все с временными бейджами. Шесть водителей такси. Один арендатор семнадцатого этажа, у нас три юридические фирмы там. Это всё фиксируется. Я уже посадил людей просматривать.

— Найдут?

Зимин вздохнул.

— Найдут — нет. Этот человек к нам в здание не входил.

— Почему вы так считаете?

— Потому что входить в здание ему незачем. — Зимин повернулся к проектору. — Виктор Андреевич, можно я скажу неудобную вещь?

— Можно.

— Этот человек уже внутри. Не физически — а в наших системах. И уже довольно давно. Я думаю, не меньше двух-трёх месяцев. Он не лез в актив, иначе бы мы об этом знали. Он наблюдал. Он составил список из девятнадцати уязвимостей, выбрал шесть и решил, что пора

показать вам, что они есть. То есть он не вламывался. Он сегодня просто... поздоровался. У него есть время. У него есть план. У него есть юмор. И у него есть личное к вам.

Веденеев медленно поднял глаза от стола.

— Личное?

— Виктор Андреевич, в моей практике никто не пишет «дорогой Виктор Андреевич» в ноль четырнадцать утра, не имея личного. Как минимум, это ваш сотрудник, бывший или нынешний. Как максимум — это человек, у которого есть, что вам сказать, и он не хочет, чтобы это пропало в почтовой воронке.

Полонский откашлялся.

— Аркадий Степанович, при всём уважении. Я не понимаю, как это меняет нашу позицию.

— Меняет. Если это шантажист — он скоро потребует. Если он хакер-одиночка из тех, что любят славу, — он скоро обратится к прессе. А если это кто-то с личной историей — то он будет действовать долго и неудобно. И тогда нам нужен не отдел кибербезопасности. Нам нужен человек, который умеет с такими работать.

— То есть?

— То есть психолог, дополнительно к тому, что у нас уже есть. — Зимин опустил голову и тихо добавил: — Виктор Андреевич, давайте я скажу прямо, чтобы потом не было разговоров, что я молчал. Я не вытяну этого. Тридцать лет назад я ловил людей в подъездах. Я этого не ловлю. Если у вас есть кто-то, кто сможет, — я первый встану и пожму ему руку.

Полонский хмыкнул.

— Аркадий Степанович, вы просите отставку?

— Я прошу честности, Григорий Аркадьевич.

В комнате снова стало тихо. Только за окном беззвучно подъезжал новый троллейбус — на двадцать втором этаже звуки города почти не доходили, и троллейбус подкатывал, как будто плыл сквозь толщу аквариумной воды.

Веденеев молчал долго. Потом сказал — мягко, почти удивлённо:

— Знаете, что меня сейчас больше всего расстраивает?

— Что? — встрепнулся Полонский.

— Я двадцать лет продаю прогноз будущего. — Веденеев медленно поднял голову. — А я не предсказал даже сегодняшнее утро.

Полонский открыл рот, чтобы сказать что-то деловое, и не сказал. Шестакова легонько улыбнулась — впервые за всё совещание. Зимин кивнул так, как кивает шахматист, увидев, что противник в кои-то веки сделал не глупый ход.

— Объявляю режим ноль, — произнёс Веденеев. — Полное молчание пресс-службы до моего отдельного распоряжения. Аркадий Степанович, ваш аудит — сегодня к вечеру у меня. Дамир Игоревич, мне нужен список всех, кто за последние полгода уволен из IT-департамента. И всех, у кого был расширенный доступ. И, пожалуйста, без оговорок «но это не он» — мне нужны имена, остальное я решу сам.

Совещание кончилось. Люди встали. Анжелика возникла в дверях с каким-то поручением. Веденеев на секунду задержался у окна, посмотрел вниз, на узкую полосу зелёного сквера и старый доходный дом напротив, в первом этаже которого светилась тёплая вывеска «Бергамо. Кофе с 7:00». Он посмотрел туда буквально полсекунды. Потом отвернулся и пошёл к себе.

Если бы он задержался ещё на десять минут, он, возможно, увидел бы, как из вестибюля башни выходит на перерыв молодая женщина, задирает к небу лицо без особой цели и идёт через дорогу к этой самой вывеске «Бергамо». Но он не задержался. У него был режим ноль и список уволенных.

И — у него была дочь, которая в этот же момент сходила со скоростного поезда «Сапсан» на Ленинградском вокзале, поправляла капюшон тёмно-серой худи и впервые за пять лет

вдыхала родной город ноздрями человека, который твёрдо знает, что в дом отца идти не собирается.

Александра Викторовна Веденева — в паспорте, в водительских правах, в дипломе магистра ETH Zürich по программе Information Security and Cryptography — сошла на платформу с маленьким серым рюкзаком и одним чемоданом на колёсиках. Никто её не встречал. Об этом она позаботилась сама.

Она не была в этом городе четыре года и одиннадцать месяцев. Она была здесь последний раз на сорок дней матери, и тогда отец говорил с ней через переводчика: его слова доносились до неё через холодное стекло лиц юристов и помощников. После сорока дней она уехала, и за эти годы возвращалась только раз — в зимнюю поездку, на похороны бабушки, на двое суток. Сейчас был май, и май её родного города пах раскисшим асфальтом, пыльным чехлом мехового пальто, которое забыли сменить на летнее, и — где-то очень далеко, через десять кварталов от вокзала — рекой.

Саша вышла из вагона предпоследней. Привычка — выходить ни первой, ни последней; первой выходит тот, кому страшно опоздать, последним — тот, кому не всё равно, что он видит. Ей нужно было быть просто никем. Капюшон на голову, рюкзак на одно плечо, чемодан в правую руку. Она прошла под глазами трёх камер, и ни одна из них не получила ничего интересного.

На втором перроне она достала телефон и открыла сохранённое сообщение. В нём был адрес: маленькая двушка в районе Цветного, на четвёртом этаже хрущёвки, без портье и без камер, с отдельным входом во двор. Хозяин — пожилой одинокий преподаватель консерватории, который согласился сдать на полгода без договора в обмен на ежемесячный нал и вежливое обещание «не приводить шумных компаний». Мила нашла этот вариант за два дня. Мила с детства умела находить людей, которые ничего не спрашивают и ничего не запоминают.

Саша спустилась в метро. В вагоне она смотрела на отражение в чёрном стекле напротив. Молодая женщина в худи, без макияжа, рыжие волосы убраны под шапку-бини. Любая другая на её месте сейчас, после семи часов поезда, выглядела бы измотанной. Саша выглядела как человек, который собирается на работу — на странную, не свою, но не вызывающую отторжения работу.

Она уже видела эту работу. Она знала, какой она будет.

Она открыла мысленную папку, которую возила с собой два месяца, с момента, как новости о первом «инциденте» в «ВЕДА-Аналитика» долетели до её цюрихской квартиры. Папка называлась просто: «Найти С.»

Она знала своего отца. Она знала, как отец будет искать. Отец будет искать снаружи — через логи, через DDoS-аналитику, через подкупленных хакеров и уважаемых консультантов из лондонских контор с табличкой «cybersecurity advisory» на двери. Отец нанял бы пять компаний, заплатил бы каждой по триста тысяч евро и получил бы пять разных отчётов с одинаковыми вежливыми выводами «инцидент произошёл, контур уязвимостей сужается, усильте мониторинг». Через полгода отчёты лежали бы в архиве, банан продолжал бы танцевать, и Виктор Андреевич Веденев продолжал бы каждое утро в девять четырнадцать смотреть на свой большой настенный монитор и не понимать, чем отличается шарик в шапке от шарика в руках.

Она знала и другое. Если этот «С.» не вынес ни одного байта — он не за деньгами. Если он подписался буквой — он не боится. Если он шутит, он либо очень молод, либо у него с компанией слишком личное, чтобы хранить серьёзный тон. И если он действительно умеет — а из того, что просочилось через пресс-службу, было видно, что умеет — то он рядом. Не в Берлине. Не в Бангалоре. Здесь, в этом городе, в этом районе, где-то неподалёку от стеклянной башни. Там, куда сходятся все настроения и сплетни большой компании.

Она знала, где сходятся настроения и сплетни большой компании. Она знала это лучше, чем могла бы знать любая аналитическая фирма с подписной платой пятьдесят тысяч долларов в месяц.

Они сходятся в кофейнях.

Не в столовой бизнес-центра — там сотрудники сидят при руководстве. Не в курилке — там слишком шумно и слишком темно. В первой утренней кофейне через дорогу. Туда заходят расслабленные, ещё не натянувшие на лицо корпоративную маску, ещё успевшие думать о вчерашнем разговоре с женой и сегодняшней встрече с любовницей. Туда выносят все слабости, все жалобы, все слухи, всё, что назавтра в восемь сорок семь будет уложено в стеклянный конверт и подано шефу с двумя кубиками льда.

Поэтому Саша не собиралась идти в башню.

Саша собиралась идти в «Бергамо».

Поезд метро остановился на её станции. Она подняла рюкзак, взяла чемодан и вышла, не торопясь.

Через сорок минут она сидела на полу пустой съёмной квартиры, на старом ковре с восточным узором, и смотрела на единственное окно. Окно выходило в маленький двор с тополями. Из двора, через щель между двумя крышами соседних домов, был виден краешек чего-то стеклянного и высокого. Если открыть окно и высунуться, можно было увидеть верхние шесть этажей башни «ВЕДА». На двадцать втором горел свет — он горел, скорее всего, ровно до двадцати двух часов, как горел всегда, сколько Саша себя помнила.

Она долго смотрела на этот горящий уголок чужого здания. Потом достала из рюкзака маленькую рамку с фотографией. Мать. Лето на даче, год до диагноза, светлые волосы рассыпаны по плечу, смех — тот самый, который Саша последние одиннадцать лет встречала только во снах.

Саша поставила рамку на подоконник, спиной к башне.

— Я попробую, — сказала она матери негромко.

Мать на фотографии продолжала смеяться.

Через тринадцать кварталов отсюда, на чердаке доходного дома XIX века, по другую сторону той же башни, в маленькой мансарде с косой крышей сидел за столом мужчина в старом кашемировом свитере. Мониторов было два. На правом крутился тихий плейлист — кто-то пел по-итальянски про то, что время — это вино, которое нельзя торопить. На левом неторопливо бежал лог чужого трафика.

На полу лежал кот — крупный, серый, с одним надорванным ухом, которого хозяин звал «Гёдель», потому что считал, что у кота есть собственная теорема: что бы хозяин ни делал, кот сядет на самую важную бумагу. Гёдель уже сидел на распечатке — на ней крупным шрифтом было набрано «АРХИВ. СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ. 2019 Q3». Хозяин не сгонял кота.

В нижнем правом углу левого монитора моргнула маленькая зелёная точка. Маленькая — значит, успех. Хозяин чуть склонил голову, прочёл лог. Прочёл ещё раз. Тонко улыбнулся.

— Один-ноль, Виктор Андреевич, — сказал он вслух, никому конкретно. — С добрым утром.

Затем закрыл ноутбук, поднял Гёделя за подмышки и встал.

Будильник на телефоне пиликнул мелодию из старого мультфильма.

Пора было открывать «Бергамо». В семь тридцать он уже должен был стоять у машины, прогревать капучинатор и улыбаться Маргарите Львовне. Маргарита Львовна не любила, когда её администратор приходил с тёмными кругами под глазами; впрочем, на это, как и на многое другое в нём, она в последнее время стала молчаливо смотреть сквозь пальцы.

Он надел очки в тонкой оправе, посмотрел на себя в зеркало на двери и увидел в нём именно того, кого ожидал увидеть: высокого, чуть сутулого молодого человека с лицом, в кото-

ром было ровно столько усталости, сколько полагается администратору небольшой кофейни в спальном районе с большой проходимостью. Никакого «С.». Никакого Хакера. Никакого мстителя. Просто Кирилл, который сегодня снова опаздывает.

Он вышел из мансарды, спустился по узкой лестнице во двор, закурил у мусорных баков и медленно, как человек, который не торопится никогда и никуда, пошёл к служебной двери «Бергамо».

Через четырнадцать минут — он этого ещё не знал — внутрь этой двери впервые в жизни войдёт Александра Викторовна Веденева под фамилией матери, Загорская, и попросит у Маргариты Львовны работу.

И если бы кто-нибудь сейчас сказал ему, что ровно через два месяца с этой женщиной он будет в чужой квартире, под чужим именем, объяснять, почему он не вынес из «ВЕДА-Аналитики» ни одного байта, — Кирилл, вероятнее всего, очень тихо рассмеялся бы и сказал, что в его жизни уже есть один план, и он не вмещает в себя женщин по фамилии Веденева.

Но никто ему этого не сказал.

Только Гёдель, оставшись наверху один, посмотрел в закрытую дверь долгим, не котячьим взглядом и аккуратно лёг сверху на бумагу с надписью «АРХИВ. СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ. 2019 Q3», как будто хотел эту бумагу от кого-то спрятать.

Снаружи, через двор, через дорогу, через стеклянную башню и обратно, в маленькой кухне на четвёртом этаже хрущёвки, Александра Викторовна Веденева наливала себе из крана холодную воду в стакан и впервые за пять лет улыбалась без причины.

День, который начался в девять четырнадцать с танцующего банана, заканчивался для всех его участников в разных концах одного и того же города, и никто из них пока не подозревал, что они уже стоят на четырёх углах одного и того же стола.

Глава 2. Кофе с молоком и без сахара

В «Бергамо» утром пахло одновременно тремя вещами: горячим зерном, мокрой плиткой после ночной уборки и старым деревом — стойка кофейни была собрана из дубовых половиц, привезённых, по легенде, из разрушенного провинциального театра. Маргарита Львовна Соболев любила рассказывать эту легенду новым клиентам. Сама она в неё не верила, но считала, что хорошая кофейня без хорошей легенды — это просто помещение с кофемашиной.

Маргарита Львовна стояла за стойкой в шёлковом платке цвета спелой вишни, в широком чёрном жакете и в маленьких полукруглых очках на самом кончике носа. Ей было шестьдесят два, но возраст в её случае был, скорее, аксессуаром, как платок.

В девять часов утра в среду она открывала дверь, пропускала первых трёх постоянных, выслушивала жалобу старшего бухгалтера юридической фирмы с семнадцатого этажа и смотрела через стекло на маленькую, серьёзную, рыжеволосую девушку в худи цвета мокрого песка, которая стояла под мелким дождём и смотрела не на неё, а на меню в окне.

Когда девушка наконец вошла, Маргарита Львовна не подняла взгляда от кассы.

— Бариста? — спросила она, пробивая ватрушку для бухгалтера.

— Да, — сказала девушка.

— Сколько лет варили?

— Полгода в Цюрихе. Вечерние смены в маленьком месте у вокзала.

— Зачем сюда?

— Скучаю по русской зиме.

— Сейчас май.

— Я с запасом.

Маргарита Львовна впервые подняла на неё взгляд. У девушки были маленькие, аккуратные, очень умелые руки и лицо человека, который умеет молча слушать.

— Как зовут?

— Александра. Можно — Саша.

— Фамилия?

— Загорская.

— Возраст?

— Двадцать семь.

— Документы?

Саша молча выложила на стойку паспорт. Маргарита Львовна посмотрела на разворот, не открывая страницу с пропиской.

— Александра Михайловна, у вас руки человека, который умеет внимательно слушать. У меня кофейня, а не плантация. Мне нужны такие. Триста смен — испытательный срок две недели, после — сорок пять тысяч в месяц белыми и чёрными вместе, чаевые ваши, форма за наш счёт. Сегодня к двенадцати — успеете?

— Успею.

— Вопросов не задаёте.

— У меня нет.

— Я нечасто беру людей, не задавая вопросов, Александра Михайловна. Но я и сама не люблю на них отвечать. Идите, переоденьтесь, в подсобке шкаф номер четыре.

— Спасибо.

— И ещё. Если вы от кого-то прячетесь — это, в общем, не моё дело. У меня тут таких половина города. Только не вмешивайте моих ребят. Они хорошие.

Саша моргнула. Это был первый удар по её плану. Не тяжёлый, но точный.

В подсобке пахло прачечной и кофейной гущей. Саша выбрала средний размер фартука. Она впервые увидела себя в зеркале в этом фартуке и впервые, пожалуй, за пять лет, увидела себя не как наследницу, не как магистра, не как Веденееву. Просто Сашу.

«Хорошо. Можно работать», — сказала она про себя.

Когда она вернулась в зал, у дальнего столика сидела молодая девушка в чёрной футболке с эмблемой «Бергамо». Это была Ника.

— ...Я же говорила тебе, латтэ макиато он берёт всегда понедельник, среда, пятница, а во вторник и четверг — флэт. У него системность. Он никогда не путает. И вдруг сегодня ВТОРНИК, а он берёт латте. Это значит, он влюблён, — твёрдо сказала Ника.

Заметив Сашу, она протянула руку:

— Ника. Тимченко. Ты новая, да?

— Саша.

— Маргарита Львовна сказала, ты сегодня встанешь со мной. Главное — лица. Лица здесь — основное. Две трети наших клиентов — из «ВЕДЫ» через дорогу. Это вон та стеклянная штука. Они как часы. Главное запоминать, кто из них что заказывает, и не путать. Если ты помнишь заказ человека на третий день — он твой клиент навсегда.

— Это не закон, Ника, это эффект ирис, — раздался ровный голос за плечом Саши. — Иллюзия Барнума.

Саша обернулась. В дверях подсобки стоял высокий молодой человек в очках в тонкой металлической оправе.

— Тимофей, — представился он. — Залетов. Старший бариста по неофициальной иерархии.

— Саша. Загорская.

— Загорская. Не родственница известному физику?

— Не родственница.

— Жаль, — сказал Тимофей и отошёл к кофеварке.

В это время дверь скрипнула — над ней висел маленький бронзовый колокольчик, — и в кофейню вошёл человек, при виде которого Тимофей не повернулся, а Ника повернулась немедленно.

— Лёгкий на помине, — сказала Ника тише.

В кофейню вошёл высокий, худой молодой мужчина в старом кашемировом свитере и в очках в тонкой металлической оправе. У него было такое лицо, на котором никогда не понятно, выпался человек или нет. От него пахло мокрым кашемиром и очень слабо — пылью от старых бумаг. Такой запах бывает у людей, которые часто открывают архивные коробки.

— Кирилл, — сказала Маргарита Львовна, не выходя из кухни. — Опоздал на час.

— На пятьдесят семь минут, — поправил он.

— Идите, Кирилл Аркадьевич. Не объясняйте. Это новенькая, Загорская. Возьмите её на буксир по кассе.

Он подошёл к стойке.

— Здравствуйте, Александра.

— Здравствуйте, Кирилл.

— Северцев. Обычно зовут просто по имени.

— Загорская. Тоже обычно по имени.

— На терминале сегодня глюк, — сказал Кирилл. — Отбивает каждую вторую мифической ошибкой «нет связи с банком». Сейчас починю.

— У нас три раза приезжали мастера, — заметила Ника.

— Они смотрят не туда. Дело не в банке. Дело в роутере — у него неправильный приоритет очереди, и когда у вас включается холодильник, у терминала на две и три десятых секунды пропадает интернет. Этого хватает.

— Откуда вы знаете?

— Я в прошлой жизни занимался сетями.

Он не глядя достал из кармана крохотный мультиметр, что-то померил, заменил какой-то модуль. Терминал пиликнул.

— Готово.

Ника ахнула:

— Кирилл, ты гений.

— Я администратор.

Он повернулся к Саше.

— Александра, на вас полчаса утреннего наплыва. Я буду рядом. И если кто-нибудь из этих людей... — он впервые сделал короткое движение головой в сторону окна, в сторону башни, — ...заведёт с вами разговор, как у вас дела, что вы тут новенькая и так далее, не отвечайте подробно. У них слишком хорошая память на лица. Они потом будут вас узнавать, и это утомляет.

Саша подняла глаза. В этих словах было что-то странное. Это был совет от человека, который, видимо, неплохо знал, как не запоминаться самому.

— Поняла, — сказала она.

В первый день Саша запомнила сорок два лица. Имена Ника шептала ей на ухо вполголоса.

— Это Олеся. Барсукова. Аналитик, седьмой этаж. Капучино с двумя сахарами, всегда грустная. У неё мама лежачая.

— Это Дамир. Корсаков. IT-директор. Самый главный по их компьютерам. Тяжёлый человек. Никогда не здоровается. Американо, четыреста миллилитров, три глотка.

К десяти утра у неё в голове был эскиз, на котором почти каждое лицо имело свою точку, время и привычку. К одиннадцати поток схлынул, и Маргарита Львовна вышла из кухни с маленькой тарелочкой эклеров.

— Перерыв, — сказала она. — Александра Михайловна, как впечатления?

— Я устала.

— Это нормально. Вы не перепутали ни одного заказа. Сорок один заказ. Кирилл, сколько?

— Сорок один.

— Тимофей?

— Сорок один, плюс сегодня двое поменяли свой обычный. Володя из маркетинга вместо флэта взял капучино без сахара. Он явно расстроен. И Корсаков. Вместо американо взял эспрессо. Это значит, что-то внутреннее.

— Внутреннее?

— У них там что-то происходит, — флегматично пояснил Тимофей. — Корсаков пьёт эспрессо только в плохие дни. Если завтра он закажет ещё одно — у них кризис.

В этот момент Кирилл, протиравший стойку, на короткую долю секунды замер. Заметила это только Саша.

— Ну что, Александра Михайловна, — обернулась Маргарита Львовна. — Берём вас?

— Берёте.

— Тогда добро пожаловать в «Бергамо». Завтра в семь.

Вечером, после смены, Саша поднималась по лестнице своей хрущёвки. Шесть часов за стойкой кофейни оказались тяжелее, чем десять по Альпам.

В квартире она открыла рюкзак и достала тонкую тетрадь в клетку. На первой странице она написала дату и список.

«Подозрительные сотрудники "ВЕДА", вошедшие сегодня в "Бергамо":

1. Олеся Барсукова, аналитик. Долги, тяжёлые семейные обстоятельства. Мотив есть, технических навыков по виду недостаточно. Вероятность — ~5%.

2. Дамир Корсаков, IT-директор. Технические навыки — максимум. Доступ — максимум. Сегодня впервые на памяти Тимофея взял эспрессо вместо американо. Вероятность — пока ~25%.

3. Володя (без фамилии), маркетинг. Может быть личное, может быть прикрытие. Вероятность — ~3%.

4. Помощница без имени, забрала кофе для Полонского. Вероятность как исполнителя — 0%, как канала утечки — есть. На карандаше.

5. Ещё четырнадцать лиц, по которым у меня нет информации. Завтра.»

Саша подняла ручку. И — после некоторой паузы — внизу страницы добавила:

«6. Кирилл Северцев, администратор кофейни "Бергамо". Слишком быстрые руки. Слишком точная починка терминала. Слишком хорошо знает повадки клиентов. Слишком тихий замер при словах "у них что-то происходит". Слишком предусмотрительная рекомендация "не запоминаться". Слишком всё.

Вероятность — пока неизвестно.

Внимание: подозреваю в первый день, поэтому могу ошибаться. Перепроверить ровно через семь дней.»

Саша закрыла тетрадь. Положила её под старый ковёр у изголовья кровати. Подошла к окну, открыла. Сквозь две крыши был виден край стеклянной башни. Свет на двадцать втором этаже всё ещё горел.

Она впервые за пять лет легла спать с чувством, которое в последний раз, кажется, было у неё в семнадцать лет, перед первым серьёзным экзаменом: впереди что-то трудное и интересное, и от этого спокойно.

Завтра было утро в семь.

Глава 3. Слухи как сырьё

Второе утро Саши в «Бергамо» началось в шесть пятьдесят пять. Маргарита Львовна была права: на ходу за двадцать минут до смены означало быть готовой к семи, а готовая к семи означала пройти уборку, протереть стойку, зарядить кофемашину, проверить молоко,

пересчитать булочки и не выглядеть взбудораженной, когда в семь ноль пять войдёт первый клиент. На стажёрах Маргарита Львовна не экономила: она экономила время — а время у неё измерялось не в минутах, а в количестве удовлетворённых лиц на выходе.

Саша справилась. Кирилл, как и обещал, был на месте уже в шесть сорок две — она пришла, а он стоял у задней двери, в зимней толстовке поверх той же кашемировой связки, что и вчера, с двумя серыми кружками, в одной из которых был чёрный кофе для неё («не помню, какой вы пьёте, поэтому самый честный»), в другой — для себя.

— Доброе утро, Александра.

— Доброе утро, Кирилл.

— Как спалось?

— На полу.

— Вы серьёзно?

— Кровать была в хозяйственной плёнке. Я не разворачивала.

Он чуть улыбнулся — впервые на её памяти.

— Я свою тоже первые две недели не разворачивал.

— Вы тут давно живёте?

— Полтора года. Над «Бергамо», на чердаке. Маргарита Львовна сдала мне квартиру за смешные деньги и попросила взамен «никогда не приходить на смену с разбитым лицом».

— Часто бывает разбитое лицо?

— Никогда. — Он сказал это серьёзно, и Саша не поняла, шутит он или нет. Кажется, не шутил.

Он впустил её в кофейню. Они переоделись каждый в своём углу подсобки. Тимофей пришёл в семь ноль три, сонный, но чисто выбритый, с книгой Манделштама вместо чая. Ника — в семь ноль семь, с такой же вибрирующей энергией, как вчера, как будто за ночь её перезарядили на сутки вперёд.

— Вы там видели?! — сказала Ника, ввалившись.

— Что? — спросила Саша.

— Тильда! У них ТИЛЬДА. У всех. Утром.

— Какая тильда?

— Письмо. — Ника достала телефон, ткнула в Сашу экраном. — Володя из маркетинга прислал. Им сегодня всем в семь ноль пять пришло письмо. ВНУТРЕННЕЕ. От самого Веденева. Якобы. Только не от Веденева, конечно. И в нём список людей, которых на этой неделе уволят.

— Список?

— На двести человек, — подсказал Тимофей, не отрываясь от книги. — Я тоже видел. У Володи, у Олеси, у двух из ресепшна юридического этажа. Все в шоке. У них реальный меморандум — то есть не реальный, но похожий на реальный, верстка их, шаблон их, шрифт их, всё их.

Саша почувствовала, как в груди коротко дёрнулась маленькая пружинка. Не страх. Концентрация.

— А кто отправитель?

— Виктор Веденев. С его настоящего адреса.

— Это, конечно, не он?

— Это, конечно, не он, — Ника развернула экран обратно к себе. — Но сделано так, как будто он. У них там сейчас, по-моему, всё горит. Они все ждут. Кто в списке — паникует. Кто не в списке — паникует, что попал в список, который пока не показали. У нас сегодня будет сумасшедший день.

— Очень, — лаконично подтвердил Тимофей.

Кирилл, по обыкновению, ничего не сказал. Он только аккуратно отстегнул от стойки пустой бачок для молока и пошёл в холодильник.

Саша наблюдала за ним. Она не смотрела на него прямо — она смотрела на кофемашину, или в потолок, или на ценник в окне, — но боковым зрением фиксировала. Кирилл не был удивлён. Кирилл не был встревожен. Кирилл, скорее, был чуть-чуть медленнее обычного — на тот неуловимый процент, который человек становится медленнее, когда часть его мозга занята другим.

«Он либо знает, что это будет, — подумала Саша, — либо знает, что это уже произошло».

Колокольчик над дверью звякнул впервые в семь четырнадцать. Это была Олеся Барсукова. Она вошла так, как входят люди, которым уже всё равно: куртка поверх пижамной кофты, под глазами серое, в руках телефон с пустым экраном. Она остановилась у стойки, посмотрела на Сашу пустым взглядом, не узнавая её, и сказала:

— Капучино. Двойной. Лактозы не надо.

Саша приняла заказ, начала варить.

— Олеся Васильевна, у нас сегодня неурожай круассанов, — сказала Ника тем особенным сочувственным голосом, каким со вчерашнего вечера дома её бабушка разговаривала с потухшей геранью. — Я вам отдам наш, сегодняшний, который мы для себя пекли.

— Я не голодная.

— А вы возьмите, у меня было предчувствие, что вам будет сегодня нужен.

Олеся подняла на Нику глаза. Глаза у неё были подведены вчерашним макияжем, и тушь, видимо, не выдержала ночи.

— Ника, ты прелесть.

— Я знаю.

— Ника. Меня уволят.

— Не уволят.

— В списке.

— В каком?

— Ты не видела?

— Видела. Олеся Васильевна, это не настоящий список. Это какая-то ерунда. Они проверят, скажут, что фейк, и всё.

— Ника, я знаю свой отдел. Я в нём четыре года. У нас уже неделю собираются. Они меня правда увольняют. А этот хакер просто узнал и слил.

Саша протянула капучино. Олеся взяла чашку обеими руками, и эти руки задрожали так, как дрожат у людей, которые с утра выпили четыре чашки кофе и не позавтракали. Олеся отошла к самому дальнему столику у окна — спиной к башне, лицом к стене, — и опустила голову.

Саша поставила на поднос круассан, добавила маленькую порцию мёда в стеклянной баночке (это была её собственная инициатива, и Маргарита Львовна, видимо, сделала вид, что не заметила), и пошла к её столику.

— Я не заказывала, — пробормотала Олеся, не поднимая головы.

— За счёт заведения. Завтрак у нас бесплатный для всех, кому сегодня тяжело.

— У вас нет такой акции.

— Сейчас есть.

Олеся подняла глаза. Саша села напротив. Она вдруг подумала, что выглядит неуместно молодо и здорово рядом с этой женщиной, которая, скорее всего, всего на пять лет старше её, но за эти пять лет прожила другую, более тяжёлую жизнь. Это её не остановило. Если её отец и совет директоров так увлечённо генерируют такие списки в семь утра — она имеет полное право посидеть с одним из имён в этом списке и предложить ему круассан.

— Вы новенькая? — спросила Олеся, не очень заинтересованно.

— Да. Саша.

— Не уходите отсюда. Тут хорошо.

— Постараюсь.

Они помолчали.

— Знаете, — сказала Олеся в чашку, — у меня мама. С позвоночником. Уже два года в кровати. Я ипотеку плачу за её квартиру, потому что она в своей хочет умереть, чтобы не в больнице. Я живу у себя на семнадцать квадратах. И у меня кредит. И ещё карта. И вот этот «ВЕДА» — единственное место, где я могу платить и за её квартиру, и за свою. У меня белая зарплата, серая премия, ДМС. А я ещё в крыло аналитиков попала случайно три года назад. Я по образованию социолог. Я вообще не знала, что такое z-скор, пока меня не посадили писать про z-скоры.

— И как, научились?

— Очень. Умею считать всё. — Она впервые улыбнулась, бледно. — Только это никому уже не нужно. Они автоматизируют. У них уже модели сами всё пишут. Меня выживают аккуратно, чтобы я ушла «сама». А я не уйду. Вот они и злятся.

— Олеся.

— Да?

— Если вас сегодня действительно уволят, — Саша говорила очень осторожно, — у вас есть кто-то, кому вы могли бы продать вашу историю?

Олеся подняла на неё взгляд резко.

— В смысле?

— В смысле. Журналисты, которые пишут про «ВЕДУ». Конкуренты. Кто-нибудь, кто заплатит за инсайды.

— Девушка, вы мне предлагаете продаться?

— Я просто спрашиваю.

— Я не такая. Я не за этим четыре года там сидела. Я ничего не вынесу. Я чёрт знает что делала, я отчёты писала пустые, я молчала, когда у нас хорошие проекты на полку клали ради полонских, но красть я не буду.

— Хорошо.

— Вы какая-то странная новенькая.

— Мне говорят.

Олеся снова опустила голову в чашку. Саша подождала ещё минуту, не нарушая молчания, и тихо вернулась за стойку.

«Один минус», — сказала она про себя.

Если бы Олеся Барсукова, прижатая к стене такой жизненной ситуацией, тут же не вздрогнула бы от прямого предложения «продать историю» — Саша оставила бы её в подозреваемых первого ряда. Олеся вздрогнула. Олеся жила в режиме, в котором у людей не остаётся сил ни на изящные мстительные планы, ни на ироничные танцующие бананы. Олеся выпадала.

«Минус один из шести подозреваемых первого ряда», — поправилась Саша, и снова пошла к кофемашине.

Тимофей, проходя мимо, тихо сказал ей в плечо:

— Это было красиво.

— Что?

— Как вы её спросили. Аккуратно. Я видел.

— Я ничего такого не сделала.

— Вы её протестировали. Я не знаю на что, но протестировали.

Саша промолчала. Тимофей, в отличие от Ники, видимо, замечал больше, чем стоило.

«Тимофей. Тоже на карандаше», — мысленно отметила она.

К десяти утра в «Бергамо» было не протолкнуться. Маргарита Львовна вышла из кабинета с двумя дополнительными резервными мешками зерна, открыла второй холодильник и впервые за месяц включила вторую кофемашину — ту, что стояла у второй стойки и которой обычно пользовались только в пятницу вечером, когда сюда приходили компании из юридического этажа отмечать чьё-то повышение.

Сотрудники «ВЕДЫ» приходили двумя волнами. Первая волна — те, кто не попал в «список»; они вели себя с подчёркнутой деловитостью, заказывали стандартное и громко обсуждали друг с другом, насколько весь утренний меморандум — это, конечно, фейк, конечно фейк, и вообще «у нас уже служба безопасности всё проверяет и завтра объявят». Голоса у них были самые спокойные за всю историю кофейни.

Вторая волна — те, кто попал. Эти не разговаривали. Эти быстро брали кофе и уносили с собой, как уносят что-то дорогое, что нельзя демонстративно держать на людях. Большинство из этих лиц Саша помнила по вчерашнему утру, и почти у каждого второго лицо за ночь успело прибавить несколько лет.

Дамир Корсаков пришёл в десять двенадцать. Не в семь сорок, как вчера. Это уже был тревожный сигнал по фольклору Тимофея. В правой руке у него был телефон — экран приклеен к уху, лицо собрано в жёсткое, неприятное, профессиональное.

— Я понимаю, Григорий Аркадьевич, — говорил он негромко в трубку, проходя к стойке. — Но это технически невозможно. Невозможно, я ещё раз говорю. Чтобы поднять с такого корпоративного адреса такую рассылку, нужно было получить токен авторизации у меня лично или у Виктора Андреевича. Ни мой токен, ни его токен сегодня ночью никуда не двигались, мы это уже проверили. Это сделал кто-то из наших. Кто-то с гораздо более глубоким доступом, чем мы с вами думали. Это либо Елизавета Тарковская, либо... Григорий Аркадьевич, я с вами не могу обсуждать это сейчас в кофейне. Хорошо. Хорошо. Через двадцать минут.

Он обернулся, увидел над плечом ассистентки Полонского — да, она стояла за ним в очереди, — и осёкся. Слишком поздно. Девушка, очевидно, всё уже услышала.

— Американо. Тройной, — сказал он Саше, не глядя.

— Сейчас.

Саша варила и слушала. Она не повернула головы и не изменила лица. Это была одна из тех способностей, в которой её дрессировал Цюрих: брать чашку у клиента, который только что произнёс при тебе государственную тайну, и смотреть на чашку, как будто во всём мире нет ничего более важного, чем ровно влитое молоко.

«Кто-то с более глубоким доступом, чем мы думали».

«Либо Елизавета Тарковская, либо...»

Кто такая Елизавета Тарковская, Саша знала. Главный системный архитектор «ВЕДА-Аналитики», на компанию вдвое легче самой Корсакова, в фирме почти семь лет. Если бы хакером была она — ещё одно лицо из Шашиного длинного списка, который ей предстояло сегодня дополнить.

И — «либо...».

«Либо» Корсаков не договорил. Не от того, что забыл. От того, что не хотел произносить вслух.

Саша протянула ему американо.

— Тройной.

— Спасибо.

— У вас сегодня не очень.

— У нас не очень, — машинально сказал он, и тут же наткнулся на самого себя: на то, что вообще не должен был отвечать на эту реплику, и тем более не подтверждать. Поднял глаза.

— Извините.

— Ничего.

— Передайте Маргарите Львовне привет. Я завтра зайду нормально.

— Передам.

Он ушёл. У него в стакане был тройной американо, и он сделал три глотка, прежде чем достиг двери. Тимофей, не глядя ему в спину, сказал в потолок:

— Сегодня двойной эспрессо был не у Корсакова, а у меня. У меня плохой день.

— У тебя любой день плохой, — ответила Ника. — У тебя это маркетинговый ход.

— Это интонация.

Саша провела по стойке полотенцем, протёрла остатки молока. Она ждала следующего движения. В её внутренних часах что-то медленно, отчётливо щёлкнуло.

«Если хакер внутри компании на уровне Корсакова или выше, — подумала она, — он бы не пришёл в "Бергамо". Ему незачем. Все, кто в верхнем уровне, у меня практически отмечаются. Хакер — кто-то с очень хорошим доступом, но не с верхушки. Кто-то, кому удобно слушать здесь. Это значит, либо он клиент, либо он сотрудник этой кофейни».

И тут — по своему ритму, не торопясь, как делал всё, — мимо неё прошёл Кирилл с пустым подносом. И не посмотрев на неё, он негромко сказал:

— Александра, у меня к вам просьба. Сегодня после смены — будете уходить — не идите по короткой дороге. По переулку Володарского. Там какие-то ребята с банками краски. Там нехорошо.

— Откуда вы знаете?

— Я выходил, видел.

— Спасибо.

— Не за что.

Он прошёл дальше.

Саша смотрела ему в спину секунду дольше нужного. Этот короткий обмен ровно ничего особенного в себе не нёс. Любой нормальный администратор кофейни мог сказать любой нормальной баристе ровно эту фразу. Любой. Кроме одного маленького «но».

Кирилл сегодня не выходил из кофейни. Ни одного раза. С семи утра.

Саша знала это абсолютно точно. Потому что, помимо лиц клиентов, она с утра вела ещё один мысленный список. В нём было одно имя: «Кирилл, движения». И в этом списке за весь утренний поток у неё стояло: «не выходил».

Значит, либо он узнал про переулок Володарского от кого-то из клиентов — но никто из клиентов сегодня про переулок Володарского не говорил, это были не «их» темы, — либо он узнал из новостей, либо...

Либо он просто соврал.

«Зачем?» — подумала Саша. И тут же сама себе ответила: «Затем, чтобы я по нему не пошла. Потому что там, видимо, есть что-то, чего ему не нужно, чтобы я видела».

Она опустила взгляд в чашку.

«Кирилл. Карандашная пометка. Вторая».

К полудню первая волна схлынула. Маргарита Львовна отпустила Тимофея покурить во двор, отослала Нику разобрать поднос с грязной посудой, а сама подошла к Саше — подошла, как подходила вчера, спокойно, не прячась за деловым предлогом — и сказала:

— Александра Михайловна, на пять минут зайдёте?

— Зайду.

Кабинет Маргариты Львовны был маленький, уютный, с двумя книжными полками — одна с поваренными книгами, другая со старыми журналами «Знамя», «Иностранная литература» и подшивкой «Литературной газеты» начала девяностых. На столе — ноутбук с тридцатью открытыми вкладками, аккуратно подписанный синей наклейкой «MS — личное», ста-

рая фотография в простой деревянной рамке (молодая женщина с ребёнком на руках, Сочи, восемьдесят какой-то), пустой стакан и тарелочка с двумя засахаренными лимонами.

Маргарита Львовна села напротив. Саша села.

— Александра Михайловна, я вас вчера уже спрашивала и сегодня спрошу ещё раз, в последний. Вы от кого-то прячетесь?

Саша в первый раз за утро почувствовала, что у неё немного похолодели пальцы.

— Я не от кого не прячусь, — сказала она ровно.

— Хорошо, скажу иначе. Кого-то ищете?

Саша помолчала ровно столько, сколько нужно для того, чтобы не показалось ни «торопится соврать», ни «обдумывает, как соврать».

— Маргарита Львовна, я вернулась в Россию и хочу пожить тихо. Мне пока удобно работать здесь. Я ничего не ищу.

— Ну хорошо. — Маргарита Львовна вздохнула. — Вы знаете, я в журналистике сорок лет. Я с восьмидесятого года. Я брала интервью у Сахарова, у Бродского брала, у Эльдара Рязанова брала. Я брала интервью у одного человека, которого потом за решёткой задушили. Я брала интервью у двух людей, которые потом получили по Нобелю. Я в людях, в общем, разбираюсь.

— Я заметила.

— Я заметила, что вы заметили. — Она сняла очки и протерла их платком. — Александра Михайловна. Не моё дело, кто вы и зачем. Если вы хороший человек, мне в радость, если вы плохой — поплачу. Но скажу вам одну простую вещь: если вы зачем-то кого-то ищете в моей кофейне — приготовьтесь к тому, что вы и сами найдёте, чего не искали. Это всегда так бывает в маленьких помещениях.

Саша посмотрела ей в глаза.

— Спасибо за предупреждение, Маргарита Львовна.

— Не за что. И вот ещё что. — Маргарита Львовна вернула очки на нос. — Если вам кто-то будет здесь мешать, или вас кто-то будет здесь обижать, или ещё что — вы скажите мне сразу. Сразу. Я тут командующий парадом. А Кирилл у меня — заместитель командующего. Что бы у вас с ним там ни сложилось, не сложилось — мы вас защитим первой.

— У нас с ним ничего...

— Сашенька. — Маргарита Львовна впервые назвала её не по отчеству. — Я вижу, как вы на него смотрите. И как он на вас не смотрит. И первое, и второе — одинаково любопытно. Идите работайте.

Саша вышла. У неё горели уши. Она впервые за двое суток поняла, что из всех потенциальных «провалов плана» — самым неожиданным окажется то, что её прочитает не отец, не Полонский, не пресса, а пожилая владелица маленькой кофейни в стареньком доходном доме напротив башни «ВЕДА-Аналитика».

«Маргарита Львовна, — записала она в голове, — снова на карандаше. Пристально».

Кирилл вышел из подсобки в двенадцать сорок две.

Саша, протирая стойку, заметила его немедленно. У него были красные глаза. Он вытирал нос тыльной стороной ладони. Он быстро пробежал к раковине, ополоснул лицо холодной водой, надел очки заново, и только тогда, повернувшись, увидел, что Саша смотрит на него.

— Аллергия, — сказал он, не дожидаясь вопроса.

— На что?

— На пыль. У нас в подсобке сегодня привезли новые мешки зерна. Я стоял у вентиляции.

— Аллергия на пыль не вызывает красноту глаз такого сорта. Это хорошие умные глаза, в которых только что была долгая работа со светящимся экраном.

Этого она, разумеется, не сказала вслух. Она сказала:

— Понимаю.

— Александра, не пойдёте проверить молоко?

— Пойду.

В подсобке, за сложенными мешками с надписью «BRAZIL ESPRESSO BLEND», стояло на табуретке закрытое крышкой устройство, похожее на ноутбук. Это был ноутбук. Чёрный, тонкий, со стертыми наклейками. Закрыт. Жёлтая лампочка power-индикатора моргала: значит, не выключен — спит.

Саша не подошла. Не открыла. Не дотронулась.

Она запомнила.

И записала у себя в голове, ещё одной строчкой:

«Ноутбук в подсобке. На табуретке за мешками. Хозяин — не кофейня (у Маргариты Львовны Мас, у Ники — Lenovo, у Тимофея вообще ничего, кроме телефона). Значит — Кирилл. Зачем хранит здесь, а не в мансарде? Версия первая: чтобы был в зоне видимости рабочего трафика "ВЕДЫ". Версия вторая: чтобы при случае от него можно было быстро избавиться, не привлекая к мансарде. Перепроверить: какие движения он делает с этой подсобкой».

Она вернулась в зал. Кирилл стоял у кассы и считал банкноты. Он был ровно тем, кем должен был быть на эту минуту: администратором кофейни, считающим выручку. Это было так точно, что у Саши снова что-то коротко дёрнулось в груди — и снова не страх, а концентрация. Так кошки, по легенде, чувствуют, когда другая кошка спряталась за углом и тоже стала очень тихой.

«Кирилл, — записала она у себя в голове третьей пометкой, — сегодня впервые подал мне знак, что знает, что я смотрю».

И — четвёртой пометкой:

«Если он действительно "С." — нам обоим теперь будет очень трудно делать вид, что мы об этом не знаем».

Вечером она вышла из «Бергамо» в семь шестнадцать. Не пошла переулком Володарского, как Кирилл и просил. Пошла длинной дорогой, через сквер, вдоль реки. Она специально сделала крюк, чтобы оказаться в том самом переулке Володарского — но с другой стороны.

Там никого не было. Никаких ребят с банками краски. Никаких подозрительных компаний. Только пустой переулок, две ласточки на проводе и старая женщина с собакой, выгуливающая её по знакомому, выученному за десятилетия маршруту.

Саша постояла у поворота, посмотрела минуту, потом пошла домой.

В квартире она не стала ужинать. Сразу села за тетрадь. Открыла её на странице вчерашнего списка. Под пункт «б» добавила в четыре строки:

— Сегодня соврал про переулок Володарского, чтобы я туда не пошла. Возможные причины: 1) хочет защитить, 2) не хочет, чтобы я там что-то увидела, 3) и то, и другое.

— В подсобке ноутбук. Спящий. Не служебный. Не Маргариты Львовны.

— Сегодня вышел из подсобки с красными глазами. Не аллергия. Долгая работа за экраном.

— Сегодня впервые отметил для меня свою заботу. Это либо ход, либо настоящее.

Саша посмотрела на эту последнюю строчку и долго-долго не отрывала ручки от точки в конце.

Потом, как будто внезапно решив, перечеркнула «либо ход, либо настоящее» одной чертой и написала рядом:

«Не имеет значения».

И ниже, отдельной строкой, записала вывод дня — короткий, как все выводы, которые потом бывает дороже всего пересматривать:

«У хакера ирония человека, которому уже всё равно, что у него заберут. Не Олеся. Не Корсаков. Не Володя. У них слишком много на кону. Этот человек — у него ничего больше не осталось, кроме самого этого жеста. Кто-то, у кого "ВЕДА" уже однажды что-то отняла, и ему теперь не страшно, что заберут ещё. Найти такого — главная задача.»

Она закрыла тетрадь.

В этот же момент, на другой стороне города, в большом загородном доме с гаражом на четыре машины, Григорий Аркадьевич Полонский смотрел на распечатку утреннего меморандума хакера — настоящий шрифт «ВЕДЫ», настоящая верстка, настоящая подпись Веденева — и впервые за свою длинную, многослойную карьеру ловил себя на том, что испытывает не столько ярость, сколько узкое, странное, почти забытое чувство азарта. Он провёл пальцем по строчке «Список к сокращению». Двести имён. У каждого — координаты, история, родственники, банковские привычки. Если хакер взял этот список из их почтового сервера — значит, у хакера в руках есть ещё четырнадцать таких списков. И значит, кто-то очень усердно собирал их в течение минимум полугода. И значит, если найти этого «кого-то» первым — можно держать в руках ничуть не меньше, чем самому Виктору Веденеву.

Полонский снял трубку.

— Илья, — сказал он коротко в трубку. — Как наш частный разговор по поводу окружения семьи?

В трубке что-то сухо щёлкнуло.

— Григорий Аркадьевич. Доброго вечера. У меня предварительные. Дочь — да, в городе. Девятый день. Где живёт — устанавливаю. Где работает — устанавливаю.

— Мне на стол через двое суток. Цена обычная.

— Принято.

— И, Илья. Не должна заметить.

— Григорий Аркадьевич, я никого не дал заметить за двадцать два года.

— Поэтому я вам и плачу.

Полонский положил трубку. Подошёл к окну. Через двенадцать кварталов отсюда, за рекой, светилась стеклянная башня «ВЕДА». Полонский смотрел на неё долго и не моргая. Потом повернулся, закрыл портьеры, сел в кресло и сказал самому себе негромко:

— Мы посмотрим, чья это шапка, и чей это шарик.

В тёмной мансарде над кофейней «Бергамо» в этот же момент тихо щёлкнул замок чёрного ноутбука. Кирилл Северцев вернулся домой, поднял с пола Гёделя, открыл крышку машины и посмотрел на свежий лог дневного трафика. На втором мониторе, в маленьком окне, напротив строчки «ALEXANDRA ZAGORSKAYA / BERGAMO» крутился медленный значок поиска. Через несколько минут поиск закончится. Кирилл прочтёт результат. И впервые за всю историю своего длинного частного аудита «ВЕДА-Аналитики» — поймёт, что кофейню, в которой он работал последние полтора года, только что зашла не клиентка, не журналист и даже не наёмный детектив.

Кофейню зашёл единственный человек в этой стране, у которого было ровно столько же причин искать «С.», сколько у самого «С.» — оставаться непойманным.

И Кирилл, в отличие от неё, узнал об этом раньше.

Глава 4. Уличный мальчик

Пятница в «Бергамо» имела свой особенный закон, не записанный, но соблюдаемый всеми. С утра — обычная толпа, с обеда — лёгкое затишье, к шести вечера — приток юристов с семнадцатого этажа, которым именно в пятницу почему-то требовалось много кофе с сиропом, к восьми — два-три романтических столика у окна, к девяти — пустота и большая уборка, в которую Маргарита Львовна не вмешивалась никогда. «Кто закрывает кофейню вечером в пятницу — тот в каком-то смысле и владеет ею до понедельника», — говорила она; и за двадцать лет работы из этой мысли у неё сложился ритуал: пятничный закрытие она поручала Кириллу.

Сегодня — впервые за полтора года — она поручила это не Кириллу одному, а Кириллу с Сашей.

— Александра Михайловна, я хочу, чтобы вы научились закрывать так, как у нас тут принято, — сказала она тоном, не подразумевающим обсуждения. — С Кириллом. Он покажет.

— Я покажу, — кивнул Кирилл.

Он сказал это спокойно, как мог бы сказать «я покажу, где у нас пакеты для мусора». Но Саша заметила: между «я покажу» и моментом, когда Маргарита Львовна вышла из зала, у него едва заметно сдвинулись брови. Не от недовольствия. От чего-то более тонкого, чему она сама не подобрала слова.

К восьми тридцати последний клиент — пожилой профессор с тростью, который ходил в «Бергамо» ровно из-за зефира на шоколаде, — попрощался, оставив на столике аккуратные сто двадцать рублей чаевых, и вышел в морозящую улицу. Колокольчик звякнул дважды. Кирилл задвинул замок, выключил вывеску. Свет в зале остался один — тёплый, мягкий, и где-то под потолком, у углового зеркала, неторопливо вращался невидимый сквозняк.

— Уборка по-нашему, — сказал Кирилл, доставая щётки и ведро. — Сначала кофемашина, потом стойка, потом кассовый ящик, потом пол. На пол — час. Всё остальное — двадцать пять минут.

— Час на пол?

— Маргарита Львовна считает, что человек, который варит вам кофе утром, должен мыть пол вечером. Она считает, что это правильно.

— Я согласна.

— Я тоже.

Они работали молча. Кирилл вошёл в свой ритм быстрых движений; Саша вошла в свой ритм наблюдения. У него были, как она уже отмечала, пианистские пальцы — длинные, чуть худые, с аккуратно подстриженными ногтями, которые слишком хорошо шли длинной работе с клавиатурой и слишком плохо — длинной работе с тяжёлыми чашками. Если бы она не знала, что он администратор кофейни, она бы предположила скрипача. Или хирурга. Или того, кто пишет на машинке статьи, которые потом не подписывает своим именем.

— Кирилл, можно вопрос?

— Можно.

— Где вы работали до «Бергамо»?

Он не сразу ответил. Сначала закончил движение — тщательно протёр группу, повернул вентиль пара. Только потом сказал:

— В сетях.

— В каких?

— В IT.

— Где конкретно?

— В нескольких местах. В крупном. — Он впервые посмотрел ей прямо в глаза. — Александра, у вас разве в Цюрихе не учат — что когда человек коротко отвечает на вопрос, не очень удобно расспрашивать дальше?

— Учат. Но я ленива. И мне любопытно.

— Что любопытно?

— Любопытно, как человек, который умел чинить терминал за две минуты, оказывается администратором кофейни в нашем доме за стеклом напротив большой конторы.

Он улыбнулся уголком губ. Эта улыбка проявлялась у него очень скупой и поэтому оставляла впечатление редкого подарка.

— Это длинная история. И она утомительная.

— У нас час на пол.

— Нет.

Он сказал это «нет» мягко. И Саша поняла, что это не «не сейчас», это «не сегодня и не вам». Она кивнула и пошла за второй тряпкой.

— А вы где работали? — спросил он через минуту, не глядя на неё.

— В Праге.

— В каком кафе?

— У вокзала. Маленькое. «Srojka».

— Как звали хозяйку?

— Ивана.

— Возраст?

— Лет пятьдесят.

— Что брала на завтрак?

Саша подняла бровь.

— Кирилл, у вас в Цюрихе разве не учат — что когда человек коротко отвечает на вопрос, не очень удобно спрашивать дальше?

Он впервые рассмеялся — коротко, тихо, в тыльную сторону руки.

— Один-один.

— Один-один.

И они снова замолчали.

Это было странное молчание. В нём было больше, чем в обычном вечернем «не хочется лишнего говорить». В нём была настойчивая, обоюдная, почти физическая внимательность. Так молчат двое людей, которые отлично знают, что у каждого из них есть, что скрывать, и которые из взаимной вежливости решили это «что-то» друг от друга временно не отдирать.

В половину десятого они закончили. Кирилл поднял с пола швабру, осмотрел зал, кивнул сам себе и сказал:

— Готово.

— Маргарита Львовна примет?

— Маргарита Львовна примет даже грязный пол, если знает, что его мыли честно.

— Приятно у вас работать.

— Мне тоже было приятно.

Они погасили свет в зале. Зажглась только одна лампа над стойкой — дежурная, ночная. От неё на стене растекался жёлтый круг, в котором плавали редкие уставшие пылинки. Кирилл проверил холодильник, заблокировал кассу, выключил кофемашину. Саша надела куртку, накинула капюшон — на улице по-прежнему моросило.

Они вышли вместе.

Замок щёлкнул дважды. Кирилл проверил дверь — толкнул, потянул, толкнул. Удовлетворился. Положил ключи в карман. И только тут — Саша заметила это, потому что научилась — он на одну секунду посмотрел не на неё и не на улицу, а на угол тёмной башни «ВЕДА», висящий за дорогой, как огромный геометрический объект, забытый в сцене на ночь. На двадцать втором этаже горел свет. В пятницу в половине десятого вечера. Это было нерегламентно. Это означало, что сегодня там кто-то остался.

«Видит, как я смотрю, — подумала Саша. — И смотрит сам. Хорошо».

— Идёте по реке? — спросил он.

— По реке.

— Я провожу до угла. Мне в ту же сторону.

— Спасибо.

Они вышли на улицу.

Дождь к ночи усилился. Реку в этом районе не было видно из-за домов, но было слышно её влажный, плотный, не по-городски настоящий запах. В переулке ещё горели три витрины — пиццерия, нотариус и круглосуточная стоматология, в которой никогда не было людей, и

Саша уже неделю собиралась спросить у Маргариты Львовны, действительно ли там кто-то лечит зубы или это прикрытие. Они дошли до угла. Там Саша должна была свернуть налево, к скверу, а Кириллу было прямо, к мансарде.

И тут из-за угла дома, прямо у урны, возник человек.

Это был мужчина лет сорока, в распахнутой ветровке, с лицом того особенного оттенка, какой бывает у людей в третьей стадии пятничного запоя: не пьяный, не трезвый, а в каком-то третьем состоянии, в котором координация уже ушла, а куражу ещё хватает. От него на полтора метра вокруг пахло смесью пива, сладкой настойки и старого пота. В руке у него была дешёвая бутылка какой-то самопальной розовой жижи.

— Девушка, — сказал он, протягивая Саше левую руку. — Девушка, постойте.

— Здравствуйте, — сказала Саша вежливо, не останавливаясь.

— А я вам говорю — постойте. — Он сделал шаг и схватил её за рукав куртки. Не сильно. Но в самое неудобное место — за плечо чуть выше предплечья. Так хватает любитель распускать руки — чтобы было больно отнять рукав.

Саша начала разворачиваться вправо — в этом её натренировал курс самозащиты в Цюрихе, — и в это мгновение между ней и мужчиной оказался Кирилл.

Это было сделано быстро.

Очень быстро.

Саша даже не успела заметить, как именно. У неё на сетчатке остался обрывок: рука Кирилла, перехватившая запястье мужчины с той точностью, как берут гитарный гриф; короткое, тихое, не театральное движение влево; рука мужчины — теперь уже за его спиной, в локтевом замке. И лицо самого Кирилла — без аффекта, без злости, без пота на лбу: ровно то лицо, какое было у него за стойкой минуту назад, когда он мыл швабру.

— Уйди, — сказал Кирилл негромко в ухо мужчине. — И больше сюда не возвращайся.

Тот попытался дёрнуть рукой. Кирилл, не меняя позы, чуть-чуть тверже надавил большим пальцем — туда, куда надавил бы человек, который очень хорошо знает, где находится локтевой нерв. Мужчина охнул.

— Понял, — сказал он. — Понял, понял.

— Уходи.

Кирилл отпустил руку. Мужчина пошатнулся, поднял с асфальта свою бутылку, посмотрел на Сашу, увидел, что Саша на него совершенно не смотрит, развернулся и пошёл, прихрамывая, в сторону бульвара. Через минуту его силуэт растворился в дождевой завесе.

Саша медленно выдохнула.

— Спасибо.

— Не за что.

— Это было быстро.

— Это было обыкновенно.

Они пошли по тротуару рядом. Никто не сказал ни слова в течение полминуты. Потом Кирилл сказал:

— Я думаю, я провожу вас до самого подъезда.

— Спасибо.

Капюшон у Саши намок, и одна капля скатилась за воротник. Она поморщилась.

— У вас холодно?

— Нет.

— У меня в кармане есть платок.

— Спасибо. У меня есть.

Они шли. Между ними было то странное, плотное, заряженное молчание, какое бывает у двух людей, между которыми только что случилось что-то более важное, чем оба готовы признать.

— Кирилл.

— Да.

— Где вы научились так?

Он чуть пожал плечами.

— Самбо. С восьми лет. Двенадцать лет в одной секции. У меня тренер был хороший. Очень.

— И сейчас занимаетесь?

— Бегаю по утрам. Иногда хожу в зал. Сейчас редко. — Он немного помолчал. — В детстве это было нужно.

— Почему?

— Я рос в плохом районе. Очень плохом. Двое моих одноклассников погибли до того, как мне исполнилось четырнадцать. Один из бытовухи, другой — ножом, в подъезде, по случайности. Мой отец считал, что лучшее, что он может мне дать, — это умение быстро и без эмоции прекращать чужие глупые движения. Он был прав.

— Ваш отец...

— Его нет.

— Извините.

— Не извиняйтесь.

Они шли. Перед ними горел редкий жёлтый фонарь. От морозящего дождя вокруг каждого фонаря висело крохотное мутное гало. Город был тих и удивительно безлюден; улица будто специально расчищала пространство для двух людей, идущих рядом.

— А ваши? — спросил он.

— Мама умерла, когда мне было шестнадцать.

— Сожалею.

— Не сожалейте.

— Отец?

Саша остановилась на полшаге.

«Сейчас будет первый по-настоящему трудный момент. Сказать "нет отца" — соврать слишком сильно. Сказать "есть, но мы не общаемся" — ровно правда».

— Есть. Не общаемся.

— Конфликт?

— Не конфликт. Просто после маминой смерти он стал очень... занят. И я выросла наедине с её фотографиями. У меня было хорошее детство до этого. И не очень — потом. К двадцати я уехала за границу.

— И давно вернулись?

— Десять дней.

— Зачем?

Саша посмотрела на него — вбок, не поворачивая головы целиком.

— Скучала по русской зиме.

Кирилл не ответил сразу. Они дошли до её подъезда. Над дверью моргала тусклая лампа в проволочном кожухе, которую жильцы регулярно ругали в чате, но ремонтировать не приходили.

— Я знаю эту зиму, — сказал Кирилл. — Тоже скучаю.

— Куда ездите?

— Никуда. — Он впервые посмотрел ей прямо в лицо. — Я никуда не ездил. Я родился здесь. И я отсюда не выезжал ни разу больше, чем на неделю. Это моя зима. Я не могу по ней скучать. Я могу её выдерживать.

— И как у вас получается?

— Когда как.

Они стояли друг напротив друга — и впервые за этот вечер Саша поняла, что они стоят слишком близко. Он на полшага дальше, чем стоял бы любой другой её знакомый, но на полшага ближе, чем встал бы человек, которому совсем безразлично. Она почувствовала запах его свитера: мокрый кашемир, мыло, и по-прежнему — этот странный, лёгкий пыльно-архивный запах.

Он смотрел на неё ровно, без напряжения.

— Александра.

— Да?

— Маргарита Львовна сегодня сказала мне одну вещь, и я думаю, что она была права.

— Что?

— Что у меня в коллективе появилась первая взрослая женщина за три года. И что я, если не растерял окончательно навык, должен это заметить.

Саша осторожно — чтобы её собственное лицо в зеркале лужи не подвело — улыбнулась самой малой из имеющихся у неё улыбок.

— И вы заметили?

— Я заметил. Это не обещание и не предложение. Это просто констатация.

— Хорошо.

— Хорошо.

Он чуть-чуть наклонил голову. Это движение могло бы быть прелюдией к десятку других движений; ни одно из них он не совершил. Он просто сказал:

— Спокойной ночи, Александра.

— Спокойной ночи, Кирилл.

Он развернулся и пошёл обратно — той же дорогой, по которой пришёл. Она смотрела ему в спину, пока его силуэт не свернул за угол. Потом поднялась по лестнице к себе, открыла дверь и долго стояла спиной к ней, в темноте маленькой прихожей, не зажигая свет.

«Слишком хороший приём, — думала она. — Слишком уверенное движение запястья. Слишком точный нажим на нерв. Это не "самбо с детства". Это работа. Может быть, охрана. Может быть, военная служба. Может быть... ещё что-нибудь, чего я пока не знаю».

И тут же — параллельной строкой:

«Слишком вежливый. Слишком взрослый. Слишком умеет молчать. Слишком».

Она впервые поймала себя на том, что слово «слишком» в её внутренней тетради к концу недели начинает звучать не как обвинение, а как привязанность.

Она не стала это обдумывать.

Села на пол, открыла телефон.

В Telegram — два уведомления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.